

A woman with short blonde hair, wearing sunglasses, a black trench coat, black tights, and black shoes, is walking towards the camera on a modern bridge. The bridge has a green carpeted surface and white metal railings with a perforated pattern. The background shows a clear blue sky and some greenery. The overall mood is bright and clear.

МОИ МОСТЫ

ЗАПИСКИ ИЗ ЖИЗНИ МЕЖДУ
ДВУМЯ ЯЗЫКАМИ

Вместо предисловия	5
Часть 1	6
"Пусть говорят"	6
«Где наш чёрный чемодан?»	7
Мария Готлибовна.....	9
Мой испанский муж люто ненавидит комаров.	11
Дача и книги.....	12
Часть 2	14
Зачем я вышла замуж за испанца?.....	14
Её любили мужчины	15
Сеньора.....	16
Почему тебе холодно?	17
Географический спор	18
Мужчины любят умных женщин.....	19
Академики сидят на буквах	20
Наïга-можно!.....	21
Часть 3	22
Нам с ними хорошо.....	22
Бабка на лавке.....	23
Если мы больше не сможем жить в Мадриде	24
Собао для собаки.....	26
Рынок El Rastro	28
Стук копыт по мостовой.....	30
Мосты.....	31

Мои мосты

Сборник эссе и историй об Испании, языке, памяти и человеческих судьбах.

Это книга о встречах: с другой страной, другим языком, другими привычками и людьми. Одни истории произошли на самом деле, другие выросли из услышанных рассказов, семейных легенд, случайных разговоров и наблюдений, накопленных за годы жизни в Испании.

Через язык, традиции, смешные недоразумения, воспоминания детства и судьбы людей автор рассказывает не только об Испании, но и о том, что происходит с человеком, который однажды оказывается между двумя мирами и постепенно учится считать своими оба.

"...чужая сторона утратила дух заграничности, как своя
перестала быть географической привычкой"
В.В. Набоков. "Дар".

Los hombres somos hijos de la palabra;
ella es nuestra creación; también es nuestra creadora.

Мы — дети слова; оно наше творение, но оно же и создаёт нас.
Octavio Paz

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга началась не с идеи написать книгу.

Она началась с коротких заметок.

Иногда мне хотелось рассказать о каком-нибудь испанском слове. Иногда — о старом обычае, который казался странным человеку, выросшему в России. Иногда — о разговоре, случайно услышанном в очереди, о семейной истории, о празднике, о смешном недоразумении или о воспоминании, которое вдруг всплыло спустя много лет.

Так появлялись отдельные тексты.

Долгое время я думала, что пишу об Испании.

Потом мне стало казаться, что пишу о языке.

Потом — о людях.

А когда эти истории начали собираться вместе, оказалось, что все они говорят примерно об одном и том же.

О том, как мы пытаемся понять мир, который сначала кажется чужим.

О том, как слова могут рассказать о стране не меньше, чем учебники истории.

О том, что за любым обычаем, названием, праздником или семейной легендой всегда стоит человек.

В этой книге есть реальные воспоминания.

Есть истории, услышанные от других людей.

Есть рассказы, выросшие из одного факта, одного слова или одного разговора и потому неизбежно ставшие немного литературой.

Я не ставила перед собой задачу написать путеводитель по Испании.

И не собиралась писать мемуары.

Мне хотелось сохранить то удивление, которое возникает, когда живёшь рядом с другой культурой достаточно долго, чтобы перестать считать её чужой, но недостаточно долго, чтобы перестать ей удивляться.

Поэтому перед вами не история страны.

Перед вами история встреч.

Со словами.

С людьми.

С привычками.

С памятью.

И с Испанией, которая за все эти годы так и не перестала меня удивлять.

ЧАСТЬ 1

"ПУСТЬ ГОВОРЯТ"

Это были шестидесятые.

Мама заканчивала девятый класс английской спецшколы и уже вовсю готовилась к тому, что через год придётся поступать на филфак. Впереди был трудный год — учёба, экзамены, ощущение, что взрослая жизнь стоит за дверью и нетерпеливо постукивает.

В одну ничем не примечательную субботу она с подружками пошла в кино. На премьеру иностранного фильма — не индийского, но всё равно экзотического. Испанского. Назывался он «Пусть говорят».

«Испания так Испания», — решили подружки и взяли билеты.

Об этой стране мама, как и большинство советских людей, не знала почти ничего. Испания существовала где-то на краю карты и в школьном учебнике истории — далёкая, смутная, чужая. Но афиша обещала фильм про любовь, а значит, можно было рискнуть.

Так и вышло. Причём не только на экране.

На экране молоденький певец с пушистыми карими глазами пылко пел что-то своё, а мама медленно и верно влюблялась — в него, в его голос, в язык, которого не понимала, но который звучал так, словно специально был придуман для таких вот суббот.

Фильм смотрели несчётное количество раз. После каждого сеанса спорили до хрипоты — кто сегодня искренней плакал. Обсуждали влюблённых, жалели несчастных, завидовали красивой жизни на экране, которая казалась абсолютно недостижимой.

А потом кто-то произнёс вслух то, что все давно думали:

— Мы выучим испанский.

Поклялись. Поехали в Дом книги. Полки с испанистикой не ломались от изобилия, но на удачу нашёлся учебник какого-то кубинского издательства — потрёпанный, пахнущий типографской краской, с непривычными буквами на обложке. С ним и уехали домой.

Однако суровая дисциплина выпускного года разрушила эти планы быстро и без сожалений. Английский, экзамены, аттестат. Испанская книжка тихо переехала на дальнюю полку и затаилась там.

А потом мама встретила свою настоящую любовь — которая, как это обычно и бывает, обитала не в экзотической дали, а в соседнем районе.

Вскоре родилась я.

Учебник затерялся. Испания снова отступила куда-то на край карты.

Но мечта никуда не делась. Она просто сменила главную героиню.

Неимоверными усилиями мама записала меня в испанскую школу. Мечта юности должна была реализоваться — пусть и другими руками, пусть и через другого человека. «Пусть говорят» что хотят, рассудила она, но испанский ещё пригодится. А английский — выучим и так.

Она оказалась права

Хотя, думаю, ни она, ни я тогда не могли себе представить, насколько.

«ГДЕ НАШ ЧЁРНЫЙ ЧЕМОДАН?»

волновалась я всю дорогу от Ленинграда до Закарпатья.

Мне было два с небольшим года, и других интересов в жизни у меня пока не было. Что именно находилось в том чемодане и почему его судьба так меня беспокоила — история умалчивает. Зато фраза осталась. До сих пор, когда кто-то из нас начинает тревожиться о чём-нибудь, не стоящем тревоги, в семье говорят: «Ну, где наш чёрный чемодан?»

Так или иначе, с той первой поездки началась моя кочевая жизнь.

Кочевали мы, как правило, в одну сторону — на юг. На Чёрное море. Путешествие начиналось задолго до вокзала — с предвкушения, которое у меня до сих пор крепко связано с запахом вагона и стуком колёс.

Мы шли мимо суетливых дачников, бегущих на пригородную электричку, с сознанием собственного превосходства — нас ждал Поезд Дальнего Следования. Не просто поезд, а целое предприятие с проводником, казёнными простынями, баком горячей воды и людьми в тапочках, которые немедленно доставали домашнюю еду и раскладывали её на столиках с видом людей, давно и основательно устроившихся в жизни.

На остановках в дверях вагонов появлялись местные жители с картошкой, пирожками и варёными яйцами. Монетки летели в ведра — звонко, точно, буднично. Пахло жареным луком и чем-то ещё неопределённо вкусным.

А я лежала на верхней полке и смотрела в окно. Часами. В ожидании, когда же наконец появится море.

Наверное, именно тогда во мне и поселилась эта привычка — далеко следовать. Не бояться расстояний. Верить, что дорога ведёт куда надо, даже если море появится не скоро.

Поэтому, когда много лет спустя мне предложили поехать в Испанию переводчиком, я не испугалась. Подумаешь. Автобус всё-таки, не самолёт.

Поездка с самого начала пошла не по плану — и в этом смысле оказалась очень характерной для всего, что потом происходило в моей жизни с Испанией.

Ехать должен был Ансамбль Ленинградского Военного Округа. Но наша страна в очередной раз что-то не поделила с остальным миром, военных не выпустили, и поездку передали фольклорному коллективу. Однако в Испании по-прежнему ждали военных. Выход нашли простой и исчерпывающий: всех хористов одели в военную форму. С чужого плеча, разумеется.

Маршрут Санкт-Петербург — Алькосебре занимал четыре дня. Интернета не было, мобильной связи тоже, карты были бумажными, а остановки с ночёвками случались редко — водителям надо было отдыхать, остальным необязательно.

Зато когда автобус всё-таки останавливался в каком-нибудь европейском городке, музыканты брали инструменты и выходили играть на улицу. Баяны, балалайки, народные костюмы. Для многих деревень через которые мы проезжали, это было событием примерно уровня гастролей Большого театра. Люди останавливались, аплодировали, фотографировали — тогда ещё на плёнку. Я в это время

практиковала все имеющиеся у меня языки сразу — от английского до французского, приберегая испанский до конечной остановки.

В Испании нас ждали две недели выступлений в городках Валенсийского побережья. Costa de Azahar — Берег Флёрдоранжа. Пляжа мы почти не видели, несмотря на июнь. Зато было интересно, весело, вкусно и тепло.

Через четыре дня после последнего концерта мы уже вдыхали невский воздух, отряхивая с себя европейскую пыль. А на следующий день бежали печатать фотографии — рассказывать всем о поездке. Таким был Instagram конца прошлого века.

Испания осталась.

МАРИЯ ГОТЛИБОВНА

Во мне 1/16 часть немецкой крови.

Немного, казалось бы. Но Мария Готлибовна — моя далёкая немецкая прародительница, на которой когда-то женился один русский парень и тем основательно разбавил кровь — время от времени просыпается во мне и начинает выступать в роли внутреннего голоса. Требовательного, пунктуального, не терпящего отступлений от плана.

Как я с таким наследством умудрилась связать свою жизнь с испанским миром — одному Богу известно.

Ещё в России, выучив испанский в школе, я бросилась его доучивать на практике — показывала туристам наш город. Первых своих клиентов помню хорошо. Пара из Испании, приятные люди, прекрасное солнечное лето, любимый Петербург. Всё шло как надо.

Последних клиентов я тоже помню. Я бы даже сказала — не могу забыть.

Это тоже были испанцы, и тоже приятные. Но они были журналистами.

Профессиональные, талантливые, в поисках вдохновения, они существовали в собственном ритме и, казалось, меня не замечали вовсе. Конечно, они меня слушали — но как-то по-своему. Задачи у нас оказались разные: у меня — показать мой Питер, у них — увидеть свой и написать об этом по возвращении. Фотографы, люди-невидимки, вечно куда-то исчезали в поисках натуры. Пишущие коллеги засыпали меня вопросами про всё сразу. Всех их надо было постоянно собирать, как маленьких детей в песочницу.

Мы с Марией Готлибовной нервничали..

Дело было зимой. Конечной целью маршрута была Александро-Невская лавра и её некрополь — открытый воздух, промозглый петербургский январь, Невский проспект насквозь. Когда я сообщила об этом клиентам, энтузиазма не прибавилось.

И тут один из фотографов выдвинул идею остановиться и выпить кофе.

— Нет, — отрезала Мария Готлибовна. — У нас программа.

— Кофе! Кофе! — скандировала песочница.

Нам пришлось остановиться.

Что именно сказал водитель автобуса, которому предстояло маневрировать на Невском и парковаться в районе Казанского собора, я воспроизводить не стану. Мы пересекли проспект и забрались на второй этаж кафе, где помимо нас уже грелось немало желающих.

Испанцы заказали кофе и расселись.

Завязалась беседа — живая, смешная, совершенно необязательная. Я не заметила, как сама забыла про программу и некрополь и погрузилась в разговор с представителями четвёртой власти. Через какое-то время стало окончательно ясно: на кладбище сегодня мы не едем. Они слишком любят жизнь. Да и могила Чайковского лучше выглядит летом.

Потом я проводила их в Москву.

Потом сменила работу — не из-за них, просто так совпало.

Началась другая жизнь.

А зачинщику того безобразия с остановкой на Невском я всё-таки отомстила.

Через двенадцать лет я вышла за него замуж.

Думаю, иногда весьма полезно не слушать свой внутренний голос. Мария Готлибовна со мной, конечно, не согласна. Но она уже смирилась.

МОЙ ИСПАНСКИЙ МУЖ ЛЮТО НЕНАВИДИТ КОМАРОВ.

Заслышав характерный писк, он способен перевернуть всю квартиру вверх дном и выйти на тропу войны. В такие моменты я не узнаю своего обычно спокойного и, как мне порой кажется, излишне миролюбивого мужа. Смотрю на него и думаю: тебя бы под Питер в июне.

Посёлок наш назывался Войбокало. Легенда гласит, что когда Пётр Первый устраивал пирушки в соседнем посёлке Шум, вой (=шум) бокалов разносился на всю округу и докатывался до нашего района. Легенду эту, подозреваю, выдумали сами жители — но звучит красиво. Пётр Первый в этих местах был за всё.

Дачу построил мой прадедушка для пятерых дочерей. Старшей из них была моя бабушка, и она там всем заправляла. Мне кажется, её даже грядки побаивались — и не удивительно. Строгой немки Марии Готлибовны в ней было куда больше, чем во мне. Это наша дальняя немецкая родственница, на которой когда-то женился один русский парень и тем самым разбавил кровь. С тех пор я ношу эту 1/16 часть немецкой крови как тихое внутреннее наследство — оно просыпается во мне в самые неподходящие моменты и начинает требовать порядка.

Огромный участок был всегда прибран. Несколько семей приезжали на дачу одновременно, и состояние грядок считалось делом чести. Попасть в жёлтую прессу семейного живого журнала не хотел никто.

Каждое утро, перед выходом на улицу, на террасе происходил обязательный ритуал. Нужно было полностью смазать себя жидкостью под названием «Дэта». На флаконе было написано «от комаров», но не уточнялось, от каких именно. И это упущение было принципиальным.

Потому что у нас были не просто комары.

Я убеждена, что это была чистая реинкарнация недобитых Петром шведов, которые мстили за его победы и за вышеупомянутые пирушки. Единственное, что они не могли прокусить — кирзовые сапоги моего папы. Всё остальное было доступно. «Дэта» держалась пару часов, после чего надо было бежать в дом и начинать всё сначала. Разговоры про pH крови и сухость кожи в нашей семье не велись. Мы спасали жизни.

Водопровода на даче не было, поэтому мытьё посуды тоже входило в список ежедневных приключений. Сначала посуду намыливали в тазиках, потом несли на речку — для финального полоскания. Речка протекала прямо за нашим участком, мелкая и чистая. По семейным легендам, наш участок располагался на дне некогда полноводной реки — несомненно, арены великих петровских морских сражений. От реки осталась только эта тихая полоска воды в тени густых деревьев.

В этой тени жил комариный ад.

Эдакое комариное Дно — сырое, тёмное и абсолютно беспощадное. Местные комары, судя по всему, давно выработали иммунитет к «Дэте» и воспринимали её скорее как приправу. С тех пор я мою посуду очень быстро. Очень.

Так что мадридские комары меня не пугают. Это хилые, избалованные существа, понятия не имеющие о том, что такое настоящая охота. Когда муж поднимает тревогу из-за одного случайного писка, я смотрю на него с тем сочувствием, которое опытный боец испытывает к новобранцу.

Но вслух ничего не говорю. Пусть думает, что защищает дом.

ДАЧА И КНИГИ

Чтобы уехать в город с дачи, моя бабушка выбирала электрички, где поменьше народу.

Если поезд прибывал из Пупышево — мы на него не садились. От этого названия и так не веет розами, а бабушка ещё и жителям его доставалась. «С пупырями не поеду», — говорила она с таким видом, словно речь шла о чём-то совершенно неприемлемом.

Пупышевские дачники были людьми основательными: их посёлок только обустроивался, и они ездили с полным серьёзным инвентарём — лопаты, вёдра, корзины с урожаем. До сих пор помню эти корзины с клубникой, накрытые марлей, а на марле — красные точки от раздавившихся ягод. Электричка пахла летом и трудом, мест в ней не было, и бабушка брезгливо смотрела вслед.

Испанцы, кстати, тоже знают свой клубничный поезд. El tren de la fresa ходит между Мадридом и Аранхуэсом, знаменитым своей клубникой. Только там это туристический аттракцион с ретровагонами и нарядными проводниками. Наш вариант был попроще — но ягоды, думаю, пахли так же.

Другое дело — юг. Пушкин, Павловск.

Первая в России железная дорога соединила Петербург именно с Царским Селом. С тех пор туда едут все: туристы, дачники, люди с велосипедами и люди с цветами. Пушкинские дачи утопают в цветах — их возят туда сажать, а обратно ставить в вазы, и этот круговорот красоты работает без сбоев уже не одно поколение.

В тот раз нам удалось сесть. Вагон быстро заполнился — спортивные граждане со складными велосипедами, приличные граждане явно в музей, дачники с охапками флоксов. Перед нами устроились две дамы весьма пожилого возраста, одетые так, как умеют одеваться только петербургские дачницы — то есть на первый взгляд по-простому, а на второй — с достоинством.

У одной была выверена каждая деталь: цвет кофточки, удобные штаны, брошка на месте. У второй — подкрашенные губки, веер в руках и панамка совершенно уморительного фасона, которую она носила с видом королевы на прогулке. Поклажей у обеих служили старенькие продуктовые тележки — у одной из тележки выглядывал зонтик от солнца и букет флоксов.

Какой-то пассажир спросил, на какой остановке выходить.

И понеслось.

— Да что вы такое говорите, милочка! Через три остановки, — безапелляционно сообщила хозяйка флоксов.

— Вот зачем вы путаете человека? Ему на следующей! — немедленно отозвалась мадам в панамке.

— Ну, знаете! Я с тридцать восьмого года здесь езжу и всё прекрасно знаю.

— А я здесь родилась, так что...

Дальше разговор зашёл в тупик. Обе дамы разобиделись, замолчали и одновременно достали книги.

Одна открыла Золя.

Другая — Голсуорси.

В оригинале.

Я смотрела на них и думала, что вот оно — настоящее петербургское. Пospорить до обиды из-за остановки, а потом с достоинством раскрыть французский роман в электричке, не снимая панамки. Никаких противоречий. Всё на своих местах.

Дача и иностранный язык в этом городе всегда шли рядом. Терраса, плед, тиканье часов, закатный свет сквозь листву — и где-то в глубине дома обязательно полка с книгами, до которых наконец дошли руки.

Мария Готлибовна, уверена, одобрила бы.

ЧАСТЬ 2

ЗАЧЕМ Я ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ИСПАНЦА?

Спроси-ка у него, как будет по-испански.

Эту фразу я слышала не раз. Считается, что со свидетельством о браке русская жена получает не просто мужа, а ходячий учебник иностранного языка — с полным словарём, безупречной грамматикой и готовностью в любой момент объяснить, почему так, а не иначе.

Спешу разрушить этот миф.

Зарубежный муж — это обыкновенный человек, который по какому-то недоразумению родился в другой стране. Он не обязан соответствовать филологическим запросам своей жены. Тем более — жены-филолога, которая живёт в стране изучаемого языка и слышит вокруг себя не речь, а именно язык. Каждую фразу я автоматически прогоняю через сито правил: а вдруг это не то, чего я не знала, а просто неграмотное выражение? Такой внутренний фильтр — профессиональная деформация, от которой не избавляешься никогда.

Муж, разумеется, об этом знает. И сопротивляется.

Его официальная позиция такова: в детстве мама отпустила его поиграть с детьми с французского корабля в порту Сантандера. Там его, голубоглазого блондина, перепутали и по ошибке выдали маме французского мальчика. Так что он — француз. «Парле ву вам всем франсе, и не знаю я никакого герундия».

Тем не менее я его использую. Аккуратно, методично, в обход обороны.

Спрашивать в лоб — какое время ты бы здесь поставил, какой предлог — бессмысленно. Носитель языка не думает категориями времён и предлогов. Он просто говорит. Значит, нужно задавать вопросы так, чтобы в ответе прозвучало именно то, что тебе нужно. Это тонкое искусство, требующее терпения и некоторой хитрости.

Иногда получается. Иногда — нет.

Когда не получается, приходится действовать напрямую. И вот тут уж как повезёт.

Недавно, после серии безуспешных обходных манёвров, я сдалась и перешла на термины.

— Ты можешь мне сказать, будет здесь субхунтив или нет?

Муж посмотрел на меня так, словно я произнесла что-то на древнешумерском.

— Я таких на ужин не приглашал, — сказал он. И, гордо вскинув голову, покинул помещение.

Филологическая мудрость гласит: на носителя надейся, а сам не плошай.

ЕЁ ЛЮБИЛИ МУЖЧИНЫ

Нашу Валентину любили мужчины.

А конкретно — представители одной определённой профессии: посыльные.

На родине Валентина преподавала русский язык. Волей судеб она оказалась в Испании и, как многие в похожих обстоятельствах, бралась за любую работу. На русский спроса не было, и Валентина устроилась секретарём в туристическое агентство — к нам.

Должность была вполне ответственная: она сидела у входа, встречала всех входящих и переводила звонки. Офис работал как часы. Её очки внушали уважение и некоторый трепет — у меня самой, когда я опаздывала, рука машинально тянулась в сумку за дневником для замечаний. Рефлекс, выработанный ещё в школе и, судя по всему, неизлечимый.

Испанский Валентина выучила вполне прилично — филологическое образование даром не проходит. Но язык коварен именно там, где кажется понятным. Фразеологизмы, подтексты, интонации — всё это приходит только с годами, и никакой учебник об этом честно не предупреждает.

Наш офис получал ежедневно большое количество корреспонденции. Приносили её посыльные.

Когда очередной посыльный появлялся на пороге, Валентина подзывала его с интонацией «Сидоров, к доске» и произносила: «Enséñame el paquete». Дословно — «покажи мне пакет». Фраза совершенно невинная, если не знать, что в разговорном испанском она имеет для мужчин весьма определённый интимный оттенок.

Мужчины млели.

С несколько растерянной улыбкой они отдавали документы и уходили — но явно в надежде, что завтра именно им достанется заявка на доставку по нашему адресу. Подозреваю, в их конторе шла нешуточная борьба за это право. Не каждый день услышишь подобную просьбу, да ещё произнесённую с учительской интонацией, лёгким акцентом и пальчиком, поправляющим очки.

В итоге мы лексику Валентины откорректировали.

Но посыльные всё равно продолжали приходить с удовольствием.

Возможно, ждали, что мы выучим что-нибудь ещё.

СЕНЬОРА

Когда я только приехала в Испанию, по телевизору крутили рекламу какого-то крема. Название я давно забыла, а сюжет помню до сих пор.

В лифт входит молодая женщина. Следом — мужчина.

— ¿Qué piso, señora? — На какой этаж, сеньора?

Женщина едва заметно морщится.

Дальше всё по законам жанра: чудодейственный крем, сияющая кожа, новая жизнь. И вот та же женщина снова входит в тот же лифт. Тот же мужчина улыбается:

— ¿A qué piso vas?

Не «сеньора». Не «сеньорита». Просто «ты».

Зритель должен был понять, что крем работает.

Я поняла кое-что другое.

Когда начинаешь изучать испанский, кажется, что слово *señora* — это универсальный инструмент вежливости. Уважительно, красиво, почти титул. Многие испанки его прекрасно воспринимают — особенно женщины старшего поколения. Для них в этом слове нет ничего обидного, скорее напротив.

Но довольно быстро замечаешь, что в повседневной жизни испанцы всё чаще обходятся без подобных обращений. Не потому, что стали менее вежливыми. Просто общество становится менее формальным — в магазине, в кафе, в спортзале, среди соседей люди переходят на «ты» быстрее, чем ещё несколько десятилетий назад. А вместе с этим тихо уходят на второй план слова, которые подчёркивают возраст, семейное положение, социальную дистанцию.

Тема, конечно, спорная. Найдутся женщины, которым приятно слышать «сеньора». Найдутся те, кому всё равно. Примерно как с русским обращением «женщина» — одни не замечают, других передёргивает. Единственно правильного ответа нет.

Но та старая реклама преподавала мне урок, который никакой учебник не даёт.

Язык — это не только грамматика и словари. Это общество, снятое в режиме реального времени. Иногда интеграция начинается не с получения документов и не с безупречного произношения. Она начинается с того, что однажды замечаешь: одно слово исчезает из разговора, другое появляется, и за этим движением стоит что-то большее, чем мода.

Замечаешь — и страна открывается с совсем другой стороны.

ПОЧЕМУ ТЕБЕ ХОЛОДНО?

Этот вопрос я слышу уже почти тридцать лет.

Причём задают его люди, которые прекрасно видят на мне пальто, шарф, перчатки и выражение лица человека, мечтающего оказаться рядом с батареей.

Но аргумент железный:

— Ты же русская.

Как будто вместе с паспортом мне при рождении выдали дополнительный слой меха.

Сначала я пыталась объяснять. Потом спорила. Потом приводила научные доводы — про влажность, про ветер, про то, что Петербург стоит на той же широте, что и Хельсинки, и жители его давно научились одеваться по погоде, а не по национальности. Всё это разбивалось об один и тот же аргумент.

Ты же русская.

А потом я заметила кое-что интересное.

В июле и августе те же самые люди начинают жаловаться на жару.

— Какой ужас!

— Невозможно жить!

— Я плавлюсь!

— Когда это наконец закончится?!

И вот тут наступает мой звёздный час.

Я смотрю на них с максимально серьёзным видом и спрашиваю:

— Простите, а разве вам может быть жарко?

Они удивлённо поднимают глаза.

— В смысле?

— Ну вы же испанцы.

Логика безупречная. Если русские не мёрзнут, то испанцы не должны страдать от жары. Несколько секунд обычно уходит на осмысление. Потом мы начинаем смеяться.

Потому что становится очевидно: национальность не защищает ни от холода, ни от жары. И никогда не защищала.

Но стереотипы живут удивительно долго. Наверное, каждому народу хочется верить, что другие устроены как-то особенно. Русские дружат с медведями. Испанцы круглосуточно танцуют фламенко. Французы каждый день пьют шампанское. А потом оказывается, что русские мёрзнут, испанцы изнывают от жары, а все остальные точно так же смотрят в окно и жалуются на погоду.

Это, пожалуй, одно из самых приятных открытий, которые делаешь, живя среди людей другой культуры. Чем дольше живёшь — тем меньше видишь национальности. И тем больше видишь просто людей.

Со всеми их слоями меха. И без.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СПОР

Я злилась и тыкала пальцем в глобус.

— Ну как же нет? Он должен быть тут. Вот и на карте тоже. Ты просто кое-как её разложил, всё помял, вот и не видно. Когда я училась в школе он точно был — Бискайский залив.

В испанской школе нас учили основательно. Кроме самого языка в программе были история, литература и география Испании. Поэтому Бискайский залив я помнила твёрдо — красивое название, северное море, всё на месте.

Оказавшись в Испании, я была готова доучивать язык. Что придётся доучивать ещё и географию — не предполагала.

Однажды мой будущий муж произнёс как бы между делом:

— Я родился на море.

— На каком именно? — заблестели мои глаза.

— На Кантабрийском.

Я потеряла дар испанской речи.

— Насколько я помню, там залив, — осторожно пискнула я.

— Это у вас там залив, — спокойно объяснили мне. — А у нас — море.

Интернета не было. Конспекты остались в Питере. Крыть было нечем. Я посмотрела в голубые глаза напротив, смирилась и мысленно подарила им это море.

Спорить не стала — но задумалась.

Значит, по логике испанцев, Финский залив площадью в тридцать тысяч квадратных километров прекрасно просматривается на любой карте. А двести двадцать три тысячи квадратных километров как будто бы не существует?

В итоге мы залив всё-таки нашли. Он был большой и чётко обозначен. Но муж демонстративно взял лупу.

Противоречий не обнаружил:

— Ну да, море. А то, что ты называешь заливом — это в другой стране, в Стране Басков.

И он, если честно, прав. Бискайя, давшая название заливу, — одна из провинций испанского региона Страна Басков. Так почему Кантабрия должна омываться какими-то бискайскими водами? Это не их вода.

Спор был закрыт.

Мы взяли пляжные полотенца и спустились в бассейн. Потому что другого моря у нас в Мадриде всё равно нет

МУЖЧИНЫ ЛЮБЯТ УМНЫХ ЖЕНЩИН

По крайней мере, мой будущий муж был в этом совершенно уверен. Иначе трудно объяснить, почему однажды он подарил мне шахматы.

После фразы «Ты же русская, тебе не холодно?» есть ещё одна, которую я слышала в Испании с завидной регулярностью:

— Ну вы же все играете в шахматы.

К этому моменту я обычно уже не спорила.

— Конечно, играем, — отвечала я.

Уточнять подробности не спешила.

В моём случае это было не совсем неправдой.

Играть меня научил дедушка. Я до сих пор помню большую лакированную доску — она раскрывалась как чемоданчик и одновременно служила домиком для фигур. Когда её снимали с полки, внутри что-то гремело, перекатывалось и стучало. Казалось, деревянные армии уже начали сражение ещё до того, как партия была открыта.

Я любила эти звуки. Любила запах лака. Любила ощущение, что сейчас начнётся что-то важное.

В детстве я играла вполне прилично. Потом выросла. Появились другие интересы, университет, работа, переезды. Шахматы остались где-то далеко — вместе с двором, дедушкиным голосом и многими вещами, которые, кажется, навсегда уходят в прошлое и остаются там.

И вот много лет спустя испанец, который тогда ещё не был моим мужем, решил подарить мне шахматы.

Возможно, просто поверил распространённому мифу о русских. Возможно, хотел сделать подарок умной женщине. А может быть, как хороший фотограф, он просто увидел красивую вещь — и этого оказалось достаточно.

Шахматы действительно были удивительными. Тяжёлая коробка, благородное дерево, безупречно выточенные фигуры. Я открыла её — и вдруг поняла, что держу в руках не только подарок.

Иногда люди дарят нам вещи и, сами того не подозревая, возвращают целые куски жизни.

Вместе с этими шахматами ко мне вернулся дедушка. Вернулся стук фигур внутри деревянной коробки. Вернулись зимние вечера, запах лака, ощущение, что сейчас начнётся что-то важное. Вернулась девочка, которая умела просчитывать ходы на несколько шагов вперёд и искренне верила, что любую партию можно выиграть.

Играть так хорошо, как тогда, я уже не умею. Да и выигрывать теперь не самое главное.

Зато каждый раз, проходя мимо этих шахмат, я думаю о том, как странно устроена память. Иногда, чтобы вернуть человека в собственное детство, достаточно одного расхожего стереотипа и одного очень удачного подарка.

Мой будущий муж думал, что дарит мне шахматы.

На самом деле он подарил мне несколько вечеров с дедушкой, которые я считала давно потерянными.

АКАДЕМИКИ СИДЯТ НА БУКВАХ

У каждого академика Испанской Королевской академии есть своё кресло.

Не метафорически — буквально. Деревянное кресло, на спинке которого выбита буква испанского алфавита. Именно эта буква и становится именем должности. Не «академик такой-то», а «буква такая-то». Человек получает букву — и хранит её до конца жизни, потому что пост пожизненный.

Я узнала об этом и долго сидела, думая о том, как точно это придумано.

Буквы по отдельности — просто знаки. Но стоит им встать рядом, и появляется слово. Слово за словом — и возникает язык. Язык, который живёт, меняется, стареет, обновляется и снова живёт. И где-то в основании всего этого — сорок шесть человек на деревянных креслах, каждый со своей буквой, которые следят за тем, чтобы гармония не нарушалась.

Испанская Королевская академия — RAE — была основана в 1713 году по образцу французской. Именно она решает, каким словам жить в словаре, а каким уйти. Членами могут быть только испанцы, и не обязательно лингвисты — среди академиков бывают писатели, историки, юристы, кинематографисты. Главный критерий — вклад в язык. Зарплаты нет, есть «диеты» — что-то вроде командировочных. Буква есть. Этого, видимо, достаточно.

Всего в мире существует двадцать три академии испанского языка. Самая молодая появилась в 2018 году — в Израиле. Она представляет ладино, язык сефардов, евреев, изгнанных с Иберийского полуострова в 1492 году.

Это, пожалуй, самая удивительная деталь во всей этой истории.

Люди уходят, уносят с собой язык, живут с ним пять веков на чужой земле — и он остаётся. Меняется, конечно, впитывает новое, но остаётся узнаваемым. Настолько, что в наши дни ему посвящают отдельную академию.

Язык оказывается прочнее границ. Прочнее изгнания. Прочнее времени.

Я думаю об этом каждый раз, когда слышу, как кто-то говорит: «Ну зачем учить язык, если все и так понимают по-английски?»

Не затем, чтобы тебя понимали.

Затем, чтобы ты понимал — где ты, кто ты и откуда.

HAIGA-МОЖНО!

Некоторые детские страхи живут удивительно долго.

Мне было лет десять, когда учительница испанского языка вывела на доске несколько слов и сказала:

— Запомните. Есть ошибки, которые приличные люди не делают никогда.

Мы дружно записали. Среди них было слово haiga как неверный вариант haya.

Прошло много лет. Я переехала в Испанию, и вот однажды мне оно мне попало-это haiga. Я даже остановилась.

Потому что это была ошибка. Настоящая, классическая — из разряда тех, которые приличные люди не делают никогда. Грубо. Безграмотно. Двойка в четверти.

Но слово стояло в тексте вполне уважаемого автора. И я пошла разбираться.

История оказалась длиннее, чем я ожидала.

В конце XIX — начале XX века тысячи испанцев уезжали на заработки в Латинскую Америку. Это называлось *hacerse las Américas* — «сделать Америку». Кто-то возвращался ни с чем, кто-то — с состоянием. Новые богатые хотели жить соответственно — и первым делом приобретали автомобиль. Большой. Блестящий. Такой, чтобы сразу было видно.

— *Quiero el coche más grande que haiga*, — говорили они.

Хочу самый большой автомобиль, какой только есть.

Глагол был проспряжён неправильно. Haiga вместо haya — ошибка, выдававшая человека без образования. Но именно эта ошибка и стала маркером. Настолько характерной, настолько узнаваемой, что слово зажило собственной жизнью.

Сегодня haiga — это существительное. Королевская академия фиксирует его в словаре без тени иронии: «автомобиль больших размеров, вызывающе роскошный, обычно североамериканской сборки». Ошибка пережила эпоху, переродилась и осталась в языке. Уже на законных основаниях.

Я думала об этом долго. Не о грамматике — о другом.

О том, как общество умеет судить человека по одному неловко сказанному слову. Ударение не там. Форма не та. Жаргон вместо литературного языка. Один звук — и всё, диагноз поставлен, ящик определён, крышка закрыта. Бедный. Необразованный. Не наш.

Те испанцы, которые говорили haiga, разбогатели быстрее, чем успели получить образование. Деньги пришли, а язык остался прежним. И одно слово оказалось красноречивее любого банковского счёта — оно выдавало происхождение с той же неотвратимостью, с какой выдаёт его акцент, манера держать вилку или привычка говорить «ихний».

Язык — удивительно честный инструмент. Он помнит всё.

Моя учительница русского была, конечно, права: есть ошибки, которые приличные люди не делают никогда. Но она не добавила кое-что важное.

Иногда именно эти ошибки переживают всех приличных людей.

И остаются в словаре.

ЧАСТЬ 3

НАМ С НИМИ ХОРОШО

Они у нас уже несколько лет.

Я их бережно храню, периодически достаю и проверяю сохранность. Со стороны это выглядит, наверное, странно — взрослая женщина, которая бережёт пару носков. Но это мои любимые сувениры, дословно — «воспоминания». И без них мне на чужбине было бы значительно хуже. Это я теперь знаю точно.

Дом эмигранта всегда полон мелочей с родины. Дома в Питере у нас никогда не было матрёшек, жостовских подносов и миниатюрного самовара — всё это казалось китчем, необязательным туристическим реквизитом. Но здесь, в Испании, на холодильнике вдруг появился магнитик в виде той самой матрёшки с бумажками для записей, на крючке — передник под хохлому, в морозилке — замороженная облепиха, на стене — календарь на три месяца с окошком для текущего дня. Все эти предметы совершенно органично влились в интерьер испанского дома. Как будто всегда здесь и жили.

Что-то я покупала сама. Многие привозили друзья и родители. А мама каждый раз, собираясь к нам, мучилась одним и тем же вопросом: что бы такое подарить? Отговорить её было невозможно. До их приезда оставался месяц.

И вот однажды, блуждая по питерскому рынку — не внутри, где овощи и фрукты, а по тем бесконечным уличным рядам со всякой полезной утварью, где можно найти что угодно, если не торопиться — мама увидела то, что решило проблему раз и навсегда.

Носки из собачьей шерсти.

Идеальный подарок для испанских родственников.

Продавщица была под стать своему товару — такая же тёплая, лохматая и сердобольная. Её фигуру со всех сторон обрамляли свисающие валенки, шали, варежки и гетры — всё мягкое, всё для зимы, всё для тепла. Заверчивая носки, она участливо спросила:

— Вы тоже сыну в армию носочки покупаете?

Мама опешила. Подавила смех. Пролепетала что-то вроде «ну да, ему» — и поспешно покинула этот уголок шерсти и уюта.

Ну не могла же она объяснять, что толстые шерстяные носки через месяц отправятся в Испанию. Пришлось бы рассказывать, что Испания — это не только Канары, что зимой там бывает снег, что даже при плюсе десяти хочется сунуть ноги во что-нибудь тёплое или залезть под плед. Плед, кстати, уже был подарен в прошлом году — так что система выстраивалась последовательно.

С тех пор носки живут у нас дома под названием «армейские». Не самые красивые. Зато самые тёплые.

Таковыми и должны быть, наверное, воспоминания

БАБКА НА ЛАВКЕ

Под окном кладут асфальт.

А во мне ликует "занавесочная" бабка.

В испанских деревнях есть такой устойчивый персонаж — la vieja del visillo, буквально «старуха из-за занавески». Сеньора, которой крайне важна жизнь улицы, за которой она и наблюдает, не высовываясь. Visillo — это такая тонкая занавеска, сквозь которую всё видно, но сам остаёшься невидимым. Идеальная позиция.

Конечно, нашим бабушкам на лавочке до них далеко. Наши не прячутся — они открыто сидят перед домом в любую погоду и смотрят на всё без всяких занавесок, с достоинством и полным правом. Совсем другой масштаб.

Но в этот раз я честно заслужила своё visillo.

Неделю назад вдоль всей улицы между деревьями натянули ленты с надписью «не парковать — будут проводиться работы». Какие именно работы — не уточнили. По надписи DRAGADOS на табличке мы с мужем начали строить версии: суперсовременный кабель? Новые трубы? Что-то грандиозное, раз перекрыли всю улицу?

Интрига должна была разрешиться через неделю.

В назначенный день я приготовилась к отбойным молоткам и крикам людей в жёлтых жилетах.

Тишина.

День. Два. Три. Четыре.

Я всё чаще отодвигала занавеску. Должно же что-то произойти. Должно. Ленты висят, табличка стоит, улица перекрыта — а жизнь идёт своим чередом, как будто никто ни о чём не договаривался.

Однажды какой-то водитель, потеряв терпение, припарковал машину прямо под запрещающей лентой — и оставил её там на целые сутки.

Я замерла у окна в предвкушении скандала.

Скандала не последовало.

— Еспаña... — прошипел муж и уехал в командировку, оставив меня наедине с занавеской и нераскрытой интригой.

Движение началось только на шестой день. Ближе к вечеру приехали три длиннющих грузовика с надписью «Мариано и Лоренсо» и приступили к делу. Тут выяснилось, что никаких труб и кабелей не будет. Будут менять асфальт.

Три трещины и небольшая щель на дороге. После снежной зимы.

— Посмотрели бы они на нашу Петроградку, — вздохнула моя мама, когда я ей рассказала.

Да уж. Боюсь только, что Мариано с Лоренсо до наших болот не доедут. Далековато.

Теперь у нас под окном пыль столбом и всё грохочет. Зато окна пришлось протереть — и выяснилось, что они были не такими уж грязными. Просто давно никто не смотрел в них с таким вниманием.

Новый асфальт сквозь чистое стекло выглядит отлично.

Занавесочная бабка во мне удовлетворена.

ЕСЛИ МЫ БОЛЬШЕ НЕ СМОЖЕМ ЖИТЬ В МАДРИДЕ

Мы приедем на север.

На север Испании — туда, где небо другого оттенка и море не синее, а серо-зелёное, и пахнет иначе, чем на юге.

Дом под Сантандером достался мужу от бабушки по отцовской линии. Пятнадцать лет назад его полностью отремонтировали, и с тех пор у него есть свой стиль — морской. Последовательно, без компромиссов и без исключений. Барометры, канаты вместо перил на лестнице, иллюминаторы на дверях спален, лопасти на стенах террасы. На тарелках — якоря, на столовых приборах — роза ветров, в ванной — ракушки и рыбки. На фасаде над входной дверью висит штурвал. В интерьере преобладают синие оттенки всех возможных оттенков синего. На стенах — репродукции Айвазовского, купленные когда-то в киоске Русского музея, что придаёт всему этому морскому предприятию неожиданный петербургский привкус.

Спим мы, слава богу, не на подвесных койках. Но всё остальное — полное погружение. Людям с морской болезнью я этот дом не рекомендую.

Каждому новому гостю здесь проводят экскурсию. Гид — мой муж, программа — «было и стало», энтузиазм — неиссякаемый.

Жизнь в этом доме полностью подчинена морю и погоде. Поначалу меня это обижало. Вместо «доброе утро» я слышала: «Что там у нас с погодой?» или «Какой сегодня ветер?» У меня было стойкое ощущение, что мы проспали путину и забыли заштопать рыболовные сети.

Потом привыкла.

У дома есть и своя история, которую здесь знают наизусть.

Бабушка Консепсьон в молодости служила у короля — когда тот приезжал в свой дворец Магдалена неподалёку от Сантандера. В начале гражданской войны, когда хозяева спешно покидали дворец, прислуге предложили разобрать, что останется. Консепсьон достался сервиз. Цены, как говорится, немало. Она принесла его домой и со страху закопала в саду. А где именно — так и не смогла вспомнить до конца жизни.

Поэтому дом мы продавать не намерены. Нам там хорошо — это правда. Но желание когда-нибудь найти королевские блюда тоже, думаю, играет свою роль.

Присутствие первой хозяйки в доме ощущается постоянно. Особенно после того, как золовка, которая живёт здесь постоянно, однажды между делом сообщила, что иногда видит привидение бабули. С тех пор я не пью на ночь воду — чтобы не бегать куда следует в темноте. Где именно тусуется бабуля по ночам, золовка не уточнила. Я не переспрашивала.

У дома есть и традиции — их заводит муж.

В туалете на внутренней стороне двери всегда приклеен лист с текстом: цитата, стихотворение, красивая фраза. Сидишь и читаешь. Просвещение и облегчение в одном флаконе.

В этом году там стихи, посвящённые слову noгау.

Noгау — это причальная тумба в порту, металлический столбик, к которому швартуют канаты. Мы узнали это слово недавно, и оно немедленно изменило жизнь дома. Теперь у дома есть имя. Раньше он

был просто «дом». Теперь — Noгау. У входа прибита табличка, в саду стоит настоящий noгау с подсветкой, и каждый гость, прежде чем уйти, обязан с ним сфотографироваться.

После очередной экскурсии по саду муж, принимая похвалы, вдруг с тревогой спрашивает гостей:

— А вы были в туалете?

Гости не всегда понимают, к чему этот вопрос.

— Обязательно сходите, — настаивает муж. — И присядьте. Только так вы сможете понять, сколько романтики в слове noгау.

Страсть к просвещению у нас в семье, видимо, неизлечима.

Если соберётесь в гости — будем рады. Только не привозите буйки. Они у нас уже есть.

СОБАО ДЛЯ СОБАКИ

Когда я впервые попробовала собао (sobao), муж долго наблюдал за моей реакцией.

— Ну как?

Я честно сказала, что вкусно. Очень вкусно. Сливочное, нежное, пахнет одновременно детством и деревней — причём чьим именно детством и какой деревней, я тогда ещё не знала.

Муж усмехнулся:

— А вот я однажды объелся ими так, что несколько месяцев смотреть не мог.

И рассказал историю.

Сейчас собао продаётся по всей Испании — в супермаркетах, на заправках, в туристических лавках рядом с магнитиками и открытками. Но когда мой муж был мальчишкой, в их кантабрийской деревне это была почти праздничная роскошь. Жили небогато — как, впрочем, многие семьи того времени. Еда была простой и сытной: всё, что давали огород, куры, корова и собственные руки. Собао тоже пекли. Но не каждый день. Его готовили к празднику, в подарок — отнести соседям, поблагодарить за помощь, передать родственникам.

Поэтому мальчишки смотрели на эти золотистые квадратики примерно так, как современные дети смотрят на витрину магазина игрушек.

И вот однажды случилось чудо.

Кто-то из компании обнаружил фабрику, где пекли собао. Окно было открыто. Подробности этой операции мой муж спустя столько лет излагает крайне туманно. Возможно, потому что срок давности ещё не истёк.

Факт остаётся фактом: в тот день несколько вечно голодных мальчишек съели столько собао, сколько не съедали за все предыдущие годы своей жизни, вместе взятые. Поначалу дело шло споро. Потом скорость начала падать. Потом ели через силу. Потом уговаривали друг друга осилить ещё кусочек — из принципа, из жадности, из нежелания признавать поражение.

Остатки достались собаке.

Домой все разошлись героями.

На следующий день мать одного из друзей вернулась из города с покупкой. Настоящим подарком. Она торжественно положила пакет на стол — собао, специально для детей, с дороги, с любовью.

Один сын посмотрел на пакет и отвернулся.

Второй посмотрел и тоже отвернулся.

— Что случилось? Вы же их любите!

Молчание.

Мать устала после работы. Она специально купила лакомство, а они сидят с лицами людей, которым предложили касторку.

— Вы сами не знаете, чего хотите!

И, окончательно обидевшись, бросила пакет собаке:

— Не хотите — пусть хоть пёс съест!

Собака подошла. Понюхала. Отвернулась. И ушла.

Мать застыла. Посмотрела на собаку. Потом на сыновей. Потом снова на собаку. Наверное, именно в этот момент ей показалось, что мир окончательно сошёл с ума.

Только спустя годы эта история стала семейным анекдотом. Одним из тех, которые рассказывают снова и снова — и каждый раз смеются, как в первый.

А я каждый раз вспоминаю её, когда вижу собао в магазине.

Потому что еда хранит память не хуже фотографий. Иногда — лучше. Фотография показывает лицо, но не запах. Не вкус. Не то, как бежишь через чужой сад, зажав в кулаке то, что тебе не принадлежит, и чувствуешь себя самым счастливым человеком на земле.

Для кого-то собао — просто сладкая булочка к кофе.

А для кого-то — целое детство, в котором однажды даже собака не смогла смотреть на любимое лакомство.

РЫНОК EL RASTRO

В воскресенье утром Мадрид пахнет по-другому.

Не кофе и свежей выпечкой, как обычно. Чем-то старым, немного пыльным, немного кожаным — так пахнут вещи, которые много раз меняли хозяев и от этого стали только интереснее.

Растро работает только по воскресеньям. И каждое воскресенье несколько улиц старого Мадрида превращаются в то, чем они, в общем-то, всегда и были — в рынок. Громкий, тесный, непредсказуемый.

Я пришла без особой цели. Так бывает на барахолках — идёшь не за чем-то конкретным, а за самим процессом. За ощущением, что в любой момент из-под горы хлама может появиться что-нибудь неожиданное.

У одного из столиков я остановилась.

Старик торговал книгами. Не новыми, разумеется — здесь всё было не новым. Потрёпанные обложки, пожелтевшие страницы, чужие пометки на полях чужими почерками. Кто-то когда-то читал эти книги, думал над ними, спорил с ними — а потом они оказались здесь, на складном столике под мадридским небом.

Я взяла одну. Цена была написана от руки на листочке, приклеенном к обложке.

— Пять евро, — подтвердил старик, не глядя на меня.

— Три, — сказала я.

Он поднял глаза. Посмотрел с видом человека, которого уже ничем не удивишь.

— Четыре.

— Три пятьдесят.

Пауза. Он взял книгу, повертел в руках, положил обратно.

— Ладно. Три пятьдесят.

Я уходила довольная — с книгой под мышкой и с ощущением маленькой победы, которое знакомо всем, кто хоть раз успешно поторговался на рынке. Неважно, что речь шла о полутора евро. Важен сам факт.

Потом я узнала историю названия.

El gastro — «след». Недалеко от этих улиц, там, где сейчас модные кафе и галереи, в восемнадцатом веке располагалась скотобойня. По одной из улиц перевозили туши. Следы этой транспортировки и дали рынку имя, которое он носит до сих пор.

Я подумала: вот как бывает.

Триста лет назад по этим улицам волокли быков. Сегодня по ним тащат чемоданы туристы, везут в рюкзаках виниловые пластинки и антикварные телефонные аппараты, несут под мышками книги в потрёпанных обложках с чужими пометками на полях.

Улица кожевников — la Ribera de Curtidores — до сих пор называется так, хотя кожевников на ней давно нет. Улица птиц — до 2000 года здесь продавали живность, потом запретили, но название осталось. Улицы помнят то, чего уже нет.

А люди — люди всё так же пытаются купить что-нибудь подешевле.

Меняются эпохи, короли, технологии, представления о том, что прилично и что нет. А человек у прилавка остаётся прежним: смотрит, щупает, прикидывает, называет цену ниже той, что написана, и уходит с покупкой с видом победителя.

Мой старик с книгами, думаю, это прекрасно знает.

И уступил мне ровно столько, сколько собирался с самого начала.

СТУК КОПЫТ ПО МОСТОВОЙ...

Каждый год в центре Мадрида случаются очень странные пробки.

В городе, где люди готовы спорить о парковке, мотоциклах и велосипедных дорожках до хрипоты, никто особенно не возмущается. Наоборот — многие специально приходят посмотреть. Потому что виновниками затора становятся овцы.

Впервые я увидела это совершенно случайно.

Я спешила на встречу и раздражалась, как раздражается любой житель большого города, которому мешают идти. Метро было переполнено, тротуары шумели туристами, а впереди почему-то стояла полиция.

— Что опять случилось? — спросила я у пожилого мужчины рядом.

— Ничего особенного, — ответил он. — Овцы идут.

Я решила, что ослышалась.

Но через несколько минут на Гран-Виа действительно показалось стадо. Сначала несколько животных с колокольчиками на шеях, потом десятки, потом сотни. За ними шли пастухи в традиционных костюмах, а вокруг стояли люди с телефонами и улыбались так, словно встретили старых знакомых.

Овцы неторопливо двигались по асфальту, который обычно принадлежал автомобилям. Машины терпеливо ждали. Никто не сигналил. Никто не пытался объехать процессию. Мадрид просто остановился и смотрел.

Мне показалось, что город на несколько часов вспомнил, кем он был раньше. До небоскрёбов, до светофоров, до бесконечных потоков машин и велосипедных дорожек, из-за которых здесь до сих пор не утихают споры.

Когда-то эти земли принадлежали не банкам и магазинам, а дорогам для скота. Каждую осень стада перегоняли с летних пастбищ на зимние — это называется трасумансия (trashumancia). Маршруты существовали веками. Потом вокруг выросли города. Появился Мадрид. Но древние дороги никуда не делись — они просто оказались под асфальтом. И раз в год овцы по ним возвращаются. Словно приходят проверить, не слишком ли люди увлеклись своей цивилизацией.

Испания вообще удивительно умеет договариваться со временем. Здесь строят скоростные поезда, запускают спутники, спорят об искусственном интеллекте. А потом в один из осенних дней перекрывают центр столицы ради стада овец — потому что традиции старше автомобилей. И почему-то это никому не кажется странным. Скорее наоборот.

На встречу я в тот день опоздала.

Объяснила причину.

В ответ получила не сочувствие, а завистливое:

— Правда? Тебе повезло. Я в этом году ещё не видел трасумансия.

Я тогда подумала: в какой ещё стране можно опоздать из-за барана — и оказаться счастливым.

МОСТЫ

Я выросла в Петербурге. В городе, где мосты — это не инженерные сооружения, а часть биографии.

У каждого петербуржца есть своя история про мосты. Кто-то назначал на них свидания. Кто-то опаздывал домой из-за разведённых пролётов — и это считалось уважительной причиной, которую принимали без лишних вопросов. Кто-то, как я, с детства считал их чем-то почти романтическим. Не потому что читал об этом в книгах. Просто когда с детства видишь, как город разводит руки над водой каждую ночь — это как-то само собой становится частью тебя.

Мосты соединяют берега. Людей. Районы. Иногда даже разные периоды жизни.

Поэтому, услышав однажды испанскую фразу «Tengo puente», я удивилась.

Какой ещё мост? Реки рядом не было.

Оказалось, у испанцев свои мосты.

Так называют длинные выходные, когда между праздником и субботой или воскресеньем остаётся один рабочий день. Этот день просто «перебрасывают мостиком», чтобы соединить два островка отдыха в один большой. Официально он рабочий. Фактически — никто особенно не работает. Просто признать это вслух было бы уже слишком.

Слово то же самое — puente. Мост.

Только ведёт он не через воду, а через календарь.

Мне понравилась эта идея. Не только как языковая находка — как способ думать о времени. Чем дольше живу в Испании, тем чаще замечаю, что испанцы вообще умеют строить такие мосты. Не только между выходными. Между работой и жизнью. Между обязанностями и удовольствием. Между сегодняшним днём и завтрашним. Они умеют оставлять пространство — для встречи с друзьями, для долгого обеда, для разговора, который не имеет никакой практической пользы, кроме самой жизни.

В Петербурге мосты напоминают о расстояниях.

В Испании — о том, что расстояния можно сократить.

Это очень красивая разница. И я до сих пор не знаю, какой способ правильнее. Наверное, никакой. Наверное, дело не в правильности.

Хотя каждый раз, когда слышу слово puente, я всё равно первым делом представляю Неву.